

АЛЕКСАНДРА ТОИЧКИНА

Санкт-Петербург

Д. И. Чижевский о Достоевском (к проблеме определения метода интерпретации Чижевского)

Тема Достоевского проходит через всю научную биографию Чижевского и, так или иначе, разрабатывается им в контексте всех его основных крупных замыслов по истории русской литературы.

Так, первая его большая опубликованная статья по творчеству Достоевского, «Шиллер и “Братья Карамазовы”» (1929)¹, с одной стороны, органично связана с диссертацией Чижевского, которую он защитил в Киеве в 1919 году («К вопросу о философском развитии Шиллера», 1918-1919); с другой – является одной из составляющих книги «Шиллер в России», которую Чижевский писал всю жизнь (она так и не была завершена и опубликована).

Самый насыщенный период в освоении темы Достоевского Чижевским можно условно обозначить как период с 1929 по 1936 год. Связан он, главным образом, с участием Чижевского в Семинарии по изучению Достоевского при Русском Народном Университете в Праге, которым руководил А.Л.Бем. В этот период Чижевский напишет и опубликует более 20 работ о Достоевском, и среди них такие классические свои работы как: «К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике)» (О Достоевском I, 1929) и «Достоевский-психолог» (О Достоевском II, 1933). В 1936 году во втором томе сборника памяти Н.Е.Осипова «Жизнь и смерть» (тоже под редакцией А.Л.Бема) Чижевский опубликует статью «К проблеме бессмертия у Достоевского. (Страхов – Достоевский – Ницше)».

¹ Далее сокращенно: «Шиллер и “БК”».

В конце 30-х и в начале 40-х сюжеты с Достоевским постоянно возникают в «Плодах чтения» (1937, 1938, 1942). В 1946-1947 годах появляются два варианта брошюры Чижевского о Достоевском и Ницше: “Strachov – Dostojewskij – Nietzsche (Bemerkungen zum Problem der Beziehungen Nietzsches zu Dostojewskij)” (1946) и “Dostojewskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen Wiederkunft”(1947). Первый вариант Чижевский распечатал в 25 экземплярах на печатной машинке, второй ему удалось издать. Различия в текстах минимальны: в варианте 1947 года изменено название и добавлен один абзац.²

В середине 50-х годов Чижевский снова возвращается к Достоевскому. Он пишет на английском статью «Manuscripts of Dostoevsky and Turgenev at Harvard» (1955) и публикует в «Новом Журнале» статью «Шиллер в России» (1956), значительная часть которой посвящена Достоевскому и генетически связана со статьей 1929 года «Шиллер и “БК”». К 1955 относится и подготовленный, но так и не опубликованный Чижевским сборник его работ о Достоевском, Гоголе и Тютчеве (об этом факте сообщает В.Янцен: материалы сборника хранятся в его архиве). Для этой книги Чижевский готовит новую редакцию статьи «Шиллер и “БК”».

В 60-е годы Чижевский издает в 2-х книгах «Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhundert» (1967). В части «Реализм» целая глава посвящена Достоевскому. Последняя значительная работа Чижевского о Достоевском – брошюра „Dostojewskij und die Aüfklärung“ – вышла в 1975 году за два года до смерти Чижевского. Статья эта явилась итоговой в истории эволюции темы Достоевского в научных разработках ученого.

Рассмотрение круга работ Чижевского о Достоевском позволяет обозначить основные для его метода интерпретации подходы и понятия. Принципиальным моментом для Чижевского-историка является превалирование «литературного факта» (Тынянов) над теоретическими посылками исследователя. Определяющими являются «материал», сам текст художественного произведения, и задача исследования его места в истории литературы и, на более высоком уровне, в истории духа. Именно художественное целое диктует

² Владимир Янцен объясняет возникновение второго варианта текста тем, что на снятии фамилии Страхова с обложки настаивал Владимир Шилкарский, издавший брошюру в своей научно-популярной немецкой серии (аргументация: «Страхова в Германии никто не знает»). См.: Янцен В. В. Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008. С. 138-139.

подход исследователя к изучению произведения и предопределяет метод его интерпретации.

В данном докладе я обозначу три понятия, весьма существенные для литературоведческих работ Чижевского о Достоевском: *влияние*, *переживание* и «*оркестральный*» метод. Я остановлюсь подробно на первой опубликованной и очень важной для всей истории исследования Чижевским творчества Достоевского статье 1929 года «Шиллер и “БК”» (опубликована она была, как известно, в „Zeitschrift für slavische Philologie“, VI, 1929³).

Понятие *литературного влияния* было чрезвычайно популярно в отечественном литературоведении 10-30-х годов. Внешне Чижевский чрезвычайно критически подходит к столь популярной в литературоведении его времени постановке этой проблемы. Так, в статье 1927 года «Тютчев и немецкий романтизм» Чижевский пишет: «Но нас не очень интересуют “влияния” на Тютчева», а в сноске указывает, что «Понятие *литературное “влияние”* очень туманно с точки зрения науки, и сфера его употребления достаточно неопределенная»⁴. И статью «Шиллер и “БК”» Чижевский начинает снова с теоретического обоснования своего подхода к теме «Шиллер и Достоевский»: речь не идет о «влиянии» в общепринятом смысле этого понятия. Для Чижевского неприемлемо исследование литературного влияния как объяснения причины возникновения одного явления другим. Для него главным объектом исследования является вопрос о родстве явлений, их сходстве и расхождениях («спор Достоевского с Шиллером»).

Именно в связи с такой трактовкой понятия литературного влияния связано второе очень существенное для метода Чижевского понятие *переживания*. Понятие это тоже ключевое для нашего литературоведения 10-30-х годов. Увлечение им связано с популярностью на этапе становления нашей филологической школы работ Вильгельма Дильтея, в особенности его книги «Переживание и творчество», 1905 (на значимость Дильтея для метода интерпретации Чижевского указывает Х.-Ю. Геригк⁵). Так, переживание

³ Далее я цитирую текст статьи по этому изданию, в скобках после цитаты указываю страницу; перевод мой.

⁴ Чижевский Д. Тютчев и немецкий романтизм // *Тютчев Ф.И. Pro et contra*. СПб., 2005. С. 613.

⁵ Gerigk H.-J. Die Spur der Endlichkeit. Meine akademischen Lehrer. Vier Porträts: Dmitrij Tschizewskij, Hans-Georg Gadamer, René Wellek, Paul Fussell. Heidelberg, 2007. S. 23-24. На русском языке: Геригк Х.-Ю. Чижевский // Достоевский и мировая культура. Альманах №24. СПб., 2009. С. 150.

явилось важнейшим понятием для работ Л.П.Гроссмана, М.П. Алексеева, Ю.Тынянова, Г.О. Винокура и других исследователей. Упомяну в качестве примеров такие знаменитые работы, как «Библиотека Достоевского» Л. Гроссмана (1919) и «Биография и культура» Г.О.Винокура (1927). Само понятие влияния фактически рассматривается Чижевским в статье «Шиллер и “БК”» в контексте понятия переживания. И факты биографии писателя становятся для него объективной научной опорой, которая позволяет говорить о влиянии переживания Шиллера на произведения писателя. Но это «переживание влияния» по Чижевскому не самодостаточно. Оно значимо только в соотношении с «окончательной формой романа», с «целым романа, как художественным произведением»⁶, как исходная точка опоры в процессе интерпретации текста.

Поэтому, переходя к анализу «Братьев Карамазовых», Чижевский обозначает важный методологический инструмент, который он использует для анализа звучания текстов Шиллера в тексте романа Достоевского. Прежде, чем перейти к интерпретации текста, он указывает на то, что Достоевский использует в романе «*оркестральный*» художественный прием: «Мысль, брошенная персонажем, подхватывается другим, затем третьим, четвертым... и таким образом, проходит через все голоса полифонического оркестра действующих персонажей»(7).⁷

Почему важно на этом методологическом приеме остановиться? Проблема определения специфики жанра романа Достоевского и его метода романиста оказывается в центре научных дискуссий 10-30-х годов. Напомню самые известные из разработанных определений: «роман-трагедия» Вячеслава Иванова (1916), «идеологический роман» Б.Энгельгардта (1925), «полифонический роман» М.Бахтина

⁶ Чижевский Д. Новые книги о Достоевском: М. Бахтин: Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Москва. 1963. стр. 364.; А.С.Долинин: Последние романы Достоевского.Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». Москва-Ленинград. 1963. стр. 344 // Новый Журнал. Кн. 81. Нью-Йорк. 1965. С. 284.

⁷ В 1956 году в статье «Шиллер в России», в которую в переработанном виде вошла статья «Шиллер и “БК”», сказано еще более определенно: «Упоминание имен у Достоевского не случайны: он вообще часто применяет “оркестральный” метод обработки той или другой темы в своих произведениях; это значит: важная для него тема (или имя) повторяется в речах отдельных героев и в замечаниях самого автора. С этой точки зрения можно рассмотреть большинство поздних произведений Достоевского, в частности отделить его мысли от мыслей его героев. К “оркестрованным” таким образом темам принадлежит и тема “Шиллер”». (Чижевский Д.Шиллер в России // Новый Журнал. Кн. 45. Нью-Йорк, 1956. С. 123.)

(1929). Остановлюсь более подробно на последнем определении: книга «Проблемы творчества Достоевского» Бахтина вышла в том же 1929 году, что и статья «Шиллер и “БК”» Чижевского. Книга Бахтина сразу оказалась в центре достаточно острого и критического обсуждения. Сам Чижевский напишет и опубликует свой собственный отклик на книгу Бахтина куда позднее, в рецензии на второе издание «Проблем поэтики Достоевского» Бахтина 1963 года. В этой рецензии обозначится и близость Чижевскому концепции Бахтина и ее критика. Пересказывая Бахтина, Чижевский расставит свои акценты. Свое же понимание специфики метода писателя сформулировано им еще до знакомства с «Проблемами творчества Достоевского» в рассматриваемой статье «Шиллер и “БК”». Парадокс истории литературоведческой мысли состоит в том, что открытие Бахтина, несмотря на сопровождавшую его в прошлом и настоящем острую и обоснованную критику, остается чрезвычайно популярным и востребованным в достоевковедении. А статья Чижевского «Шиллер и “БК”» до сих пор не была даже переведена на русский язык и фактически не вошла в научный оборот продолжающейся десятилетиями полемики вокруг проблемы определения метода писателя. Это тем более обидно, что определение Чижевского, в отличие от определения Бахтина, исключительно соответствует авторской модальности художественных произведений Достоевского и позволяет грамотно и объективно проинтерпретировать авторскую позицию в художественном целом произведения, что, в свою очередь является залогом объективного научного подхода к решению проблем поэтики Достоевского. Конечно Бахтин (в отличие от Чижевского) разработал свое понятие полифонии как метода в собственно теоретическом исследовании. Необходимо отметить (не умаляя ни в коей мере значение теории Бахтина для истории филологической мысли), что теоретическое низведение авторской позиции до уровня позиции героя произведения в исторической перспективе оказалось логически связано с последовавшей констатацией «смерти автора» (Ролан Барт), а в практике интерпретации автоматически сработало на произвол и перекосы в интерпретации текстов Достоевского.

Возвращаясь к статье Чижевского «Шиллер и “БК”», обозначу последний важный в рамках доклада для меня вопрос: к какой концепции, опираясь на анализ «оркестрального» метода Достоевского, приходит Чижевский в результате проделанного исследования темы?

Чижевский выбирает три ключевые идеи: идея «высшего человека», теодицея (проблема смысла свободы) и «двойничество». Он анализирует художественное решение данных идей в творческих мирах произведений Шиллера и романа Достоевского. Для Чижевского принципиально важно то, что Достоевский дает свои ответы на вопросы, поставленные Шиллером. Мало того, в процессе переживания творчества Шиллера, в «борьбе идей», сама постановка вопросов меняется (14-15). Так, «Достоевский выступает против шиллеровского понятия “высшего человека” как символа высшей красоты, как “эстетического” человека. <...> у Достоевского человек не может быть освобожден и спасен красотой. <...> Единственной реальной поддержкой, которая может быть исходным пунктом для поистине “высшего” человека, для того, кто сам не ощущает и не рассматривает себя как высшего человека,- является религия» (23-25). В решении же проблемы теодицеи Достоевский в романе (в частности анализируется беседа Ивана с Алешей в главе «Бунт» и затрагивается «легенда о великом инквизиторе») «развивает основную мысль шиллеровской (или лучше “канто-шиллеровской”) теодицеи» (с.26). Сопоставление идей подтверждается цитатами из текстов; особое место уделяется шиллеровским цитатам и реминисценциям, которые Достоевский вводит в текст «Братьев Карамазовых». Проблема «двойничества» подробно рассматривается на текстах «Разбойников» и «Заговора Фиеско в Генуе». Затем Чижевский анализирует случай «двойничества» Ивана и Смердякова. Его вывод: гибель двойников у Шиллера (Шпигельберг, Мавр) приводит к гибели главных героев (К.Моора и Фиеско). У Достоевского же смерть Смердякова становится началом пути к нравственному воскрешению Ивана: «Через стыд и психическое заболевание Иван возрождается к новому нравственному сознанию» (38-39). И окончательный вывод: «только вера в состоянии сообщать человеку такую силу, которая может помочь ему вынести свободу и сознание вины “за всех и вся”» (39). В последней (8) главке статьи Чижевский подводит итоги исследования, намечая сложное соотношение художественного мира произведений Достоевского с европейской философией. Художественное преломление философских идей в произведениях Шиллера и Гофмана было ближе «сердцу и уму» Достоевского, чем философская теория. Именно поэтому так важно рассмотреть творчество Достоевского в соотношении его с мирами Шиллера и Гофмана. Эта методология позволяет рассмотреть явление «в истории русской литературы и истории духа»,

выяснить «исходные пункты его <автора, А.Т.> мышления». А «выявление *исходных пунктов* его мышления *разъясняет* нам *направление его развития* и помогает нам понять своеобразие его содержательного и философско-значительного мышления» (42).

Соответственно, идейная концепция статьи Чижевского обозначается как открытие и утверждение религиозного христианского смысла творчества Достоевского (как в понимании идеала человека, так и в религиозной трактовке устройстве мира). Соотношение с Шиллером позволяет Чижевскому вписать исследование «Братьев Карамазовых» Достоевского в историю духа, в которой философия и искусство неразрывно связаны между собой. Этой-то задачей и обусловлена внешняя аконцептуальность анализа Чижевского (в его статье как бы отсутствует завершенная концепция собственно романа Достоевского). П.Е. Бухаркин⁸ как-то сказал, что Чижевский, по сути, является «человеком барокко». И эстетика барокко оказалась на эстетике его научных исследований. Именно поэтому все его статьи и даже монографии являются как бы частями одной огромной незавершенной и в принципе незавершимой фрески – фрески, на которой, по замыслу автора, должна быть запечатлена научно и методологически выверенная картина всей истории человеческого духа. Картина эта не статична: основное действие в ней составляет борьба Бога и черта, бытия и небытия, идеализма и материализма, а «поле битвы» – история культуры. Именно эта борьба и становится главным сюжетом в исследованиях Чижевского творчества Достоевского в контексте истории духа.

⁸ Профессор СПбГУ, автор книг и статей по русской культуре XVIII века.